

На правах рукописи

БАНИКОВА Мария Сергеевна

**СЕМАНТИКА НОМИНАЦИЙ ВОДНОЙ СТИХИИ В ЯЗЫКЕ ПОЭЗИИ
Ф.И. ТЮТЧЕВА**

Специальность 10.02.01 — русский язык

АВТОРЕФЕРАТ

диссертации на соискание учёной степени
кандидата филологических наук

Смоленск — 2016

Работа выполнена на кафедре русского языка
ФГБОУ ВО «Брянский государственный университет имени академика
И.Г. Петровского»

- Научный руководитель:** **Аркадий Леонидович Голованевский**
доктор филологических наук, заведующий
кафедрой русского языка ФГБОУ ВО
«Брянский государственный университет
имени академика И.Г. Петровского»
- Официальные оппоненты:** **Ирина Ивановна Чумак-Жунь**
профессор кафедры филологии ФГАОУ
ВПО НИУ «Белгородский государственный
национальный исследовательский
университет»
- Людмила Николаевна Козлова**
доцент кафедры иностранных языков
ФГБОУ ВО «Брянский государственный
технический университет»
- Ведущая организация:** **Государственное образовательное
учреждение высшего образования
Московской области «Государственный
гуманитарно-технологический
университет»**

Защита состоится «28» июня 2016 г. в 14-00 на заседании
диссертационного совета Д 212.254.01 при ФГБОУ ВО «Смоленский
государственный университет» по адресу: 214000, Смоленск,
ул. Пржевальского, 4.

С диссертацией можно ознакомиться в библиотеке СмолГУ и на сайте
университета (http://www.smolgu.ru/files/doc/D212_254_01/disser/Bannikova.pdf).

Автореферат разослан « ____ » _____ 2016 г.

Ученый секретарь диссертационного совета
доктор филологических наук, профессор

Л.В. Павлова

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

Наше мировоззрение проявляется в конкретной деятельности, а мировоззрение поэта – в его поэзии, созданных им текстах. Тютчев как поэт во многом способствовал тому, что слово в поэзии рассматривалось как первооснова мифов. Образ мира, созданный мифологическим мировоззрением Тютчева, в свою очередь, базируется на конкретном представлении роли стихий: Воздуха, Огня, Воды и Земли. В одном из стихотворений, адресованных А.А. Фету, Тютчев определяет свой образ мира, а также свой источник вдохновения как «инстинкт пророчески-слепой». Этот инстинкт приводит нас к постижению мифа.

В основе мира природы автора лежит мифологический мир стихий, первооснов Вселенной. Об этом пишут многие исследователи, отмечая при этом особую роль водной стихии: [Голованевский 2013: 10], [Касаткина 1969: 20], [Аношкина 2006: 38]. Л.А. Озеров заметил: «Наблюдать за водой Тютчев, очевидно, очень любил. Это видно по стихам. Многие прямые и ассоциативные образы у него связаны с водой» [Озеров 1975: 84]. По подсчетам Б.М. Козырева, «... более чем в одной третьей части всех оригинальных стихотворений Тютчева есть образы, связанные с его излюбленной водной стихией, а примерно в одной десятой части – эти образы являются центральными, так или иначе определяющими тему стихотворения» [Козырев 1988: 99].

При этом справедливо, что «своеобразие поэтической картины мира заключается не столько в языковых формах, сколько в избирательности видения художника» [Кузьмина 2011: 119; 1999: 227].

Материалом для нашего анализа послужили поэтические произведения Тютчева, зафиксированные в издании «Ф.И. Тютчев. Полное собрание стихотворений / Вступ. статья Н. Берковский; сост., подгот. текста и прим. А.А. Николаева. Л., 1987 (серия «Библиотека поэта»). Оно избрано нами по нескольким причинам. Во-первых, это наиболее полное издание стихотворений, в котором они собраны в один том и размещены в хронологическом порядке. Во-вторых, на его материалах базируются данные Национального корпуса русского языка [ruscorpora.ru], на которые мы также опирались в своем исследовании. В-третьих, в полном 6-томном собрании сочинений и писем нет ни одного из 385 стихотворений, которое бы отсутствовало в избранном нами издании.

По нашим данным, 59 стихотворений из всего объема поэтических текстов Тютчева можно отнести к таким, где тема водной стихии является центральной; 50 стихотворений, в которых образы водной стихии появляются не менее чем в двух строфах; 72 стихотворения с упоминанием водной стихии в одной строфе. Таким образом, общий объем поэтических образов, в которых так или иначе реализованы идеи водной стихии, представлен в 181 тексте, что составляет 47% от всего объема стихотворений поэта.

Наше понимание водной стихии базируется на нескольких основаниях. Во-первых, ученые-географы склоняются к мнению, что под гидросферой

следует понимать «все природные воды Земли, участвующие в глобальном круговороте веществ, в том числе... и воду живых организмов» [Михайлов, Добровольский 1991: 8].

Во-вторых, на семантике слова *вода* как смыслового и понятийного ядра, определяющего состав элементов водной стихии. Т.е. в основе ее понимания лежат экстралингвистические и собственно лингвистические признаки.

Водная стихия у Тютчева преобладает над всеми другими. Её объекты воплощены в художественных образах, которые помогают понять особенности личности самого поэта, его мировосприятия и мировидения. Очевидно, при этом «Писатель, автор художественного произведения в каком-то смысле тоже может рассматриваться как языковая личность, вступающая – через посредство текста – в речевое взаимодействие с языковой личностью читателя» [Караулов 2001: 362].

Данное диссертационное исследование посвящено рассмотрению особенностей семантики наименований водных объектов в поэтическом языке Тютчева.

Актуальность исследования обусловлена, во-первых, необходимостью всестороннего лингвистического изучения поэзии Тютчева, выявления в ней таких понятийных и семантических полей, которые определяют специфику его языка. Лексика и семантика номинаций водной стихии, приемы и способы их представления являются наиболее показательными в поэтической практике автора, а поэтому их исследование, несомненно, актуально для лингвистической тютчевианы. Во-вторых, детальное исследование центральной темы поэзии Тютчева актуально и с точки зрения сопоставления специфических черт языковой личности различных авторов, обращающихся к данной проблеме.

Теоретической базой диссертации стали фундаментальные исследования по лексической семантике таких ученых, как Э.В. Кузнецова [Кузнецова 1989], М.В. Никитин [Никитин 1988], А.А. Уфимцева [Уфимцева 1986], Н.М. Шанский [Шанский 2007], Д.Н. Шмелев [Шмелев 1973], С.И. Ожегов [Ожегов 1974], В.В. Виноградов [Виноградов 1972, 1977], М.М. Покровский [Покровский 1959], Е.В. Рахилина [Рахилина 2000], Н.Ю. Шведова [Шведова 2005]. В своей работе мы опирались на труды по теории метафоры следующих авторов: Н.Д. Арутюновой [Арутюнова 1978, 1990], Ю.Д. Апресяна [Апресян 2003], Г.Н. Склярёвской [Склярёвская 1993], А.П. Чудинова [Чудинов 2001, 2004 а, б], Дж. Лакоффа и М. Джонсона [Лакофф, Джонсон, 1990], О.И. Глазуновой [Глазунова 2000], В.К. Харченко [Харченко 1992]. Учение об ассоциативном значении слова и результаты психолингвистических экспериментов нашли отражение в работах Дж. Деза [Deese, 1965], Н.С. Болотновой [Болотнова 1994], Ю.Н. Караулова [Караулов 1987, 2000], А.А. Залевской [Залевская 1992], Е.С. Кубряковой [Кубрякова 1991], Р.М. Фрумкиной [Фрумкина 2001], Е.И. Горошко [Горошко 2001]. Немаловажным для проведенного исследования стало мнение авторов, посвятивших свои труды творчеству Ф.И. Тютчева: Ю.М. Лотмана [Лотман 1990, 1996], Б.М. Козырева [Козырев 1988], Л.А. Озерова [Озеров 1975],

Н.Я. Берковского [Берковский 1985], Л.В. Пумпянского [Пумпянский 1928], А.Л. Голованевского [Голованевский 2009, 2013]. Теоретические постулаты в диссертации опирались на данные энциклопедических, толковых авторских, ассоциативных словарей, материалов подкорпусов НКРЯ.

Объект исследования – система семантических, лексико-грамматических, тематических средств изображения водной стихии, характеризующих языковую личность Тютчева.

Предмет исследования – поэтическое творчество Тютчева в лингвистическом и психолингвистическом аспектах.

Материалом для анализа послужили все поэтические тексты Тютчева, зафиксированные в его «Полном собрании стихотворений».

Цель диссертационного исследования – комплексный анализ поэтического текста Тютчева, предполагающий выявление всего состава номинаций водной стихии и определение их роли в характеристике Тютчева как языковой поэтической личности.

Достижение поставленной цели предполагает решение следующих **исследовательских задач**:

1. Освещение основных вопросов теории номинации в отечественном и зарубежном языкознании.

2. Характеристика основных принципов исследования водной стихии на уровне междисциплинарных наук, в особенности совмещенных с лингвистикой.

3. Обоснование системного подхода к исследованию номинаций водной стихии как лексико-семантическому полю, внутри которого выделяются лексико-семантические и тематические группы.

4. Характеристика номинаций водной стихии на частеречном и семантико-словообразовательном уровне.

5. Разработка принципов определения типов значения лексем водной стихии. Место и роль толковых и энциклопедических словарей в этом процессе.

6. Проведение сопоставительного анализа в использовании элементов водной стихии в творчестве Тютчева и его предшественников и современников.

Лексика и семантика языка поэзии Тютчева исследуются многими лингвистами, но отдельные семантические группы языка его поэзии зачастую остаются вне поля зрения ученых. К таковым относятся и номинации водной стихии. По нашим данным, *системное* исследование настоящей проблемы, о которой очень убедительно и заинтересованно говорил оригинальный исследователь его поэзии, доктор физико-математических наук, известный представитель Казанской физической школы Б.М. Козырев, еще не проводилось, хотя к вопросу о стихиях в творчестве поэта обращались А. Белый, В.Н. Касаткина, А.Л. Голованевский, Н.В. Атаманова и др. Поэтому **новизна исследования** заключается в первой попытке дать лингвистическую разностороннюю обобщающую характеристику *системно* организованной лексики водной стихии. Новизной в определенной мере отличаются методы и принципы исследования водной стихии. Это заключается прежде всего в том, что на материале именно водной стихии всего поэтического текста решаются вопросы философских, лингвокультурологических, психолингвистических

взглядов автора. Впервые в лингвистической практике проведен сопоставительный анализ поэтического и ассоциативного семантического поля водной стихии, что по сути открывает новое направление в исследовании поэзии Тютчева. Подобный анализ можно провести и на материале других стихий.

Теоретическая значимость исследования заключается как в дальнейшем развитии тех разделов лингвистической науки, которые связаны с изучением авторских поэтических текстов в целом, так и в выявлении новых лингвистических данных об особенностях языка поэзии Тютчева, его языковой личности, что будет способствовать обогащению теоретической тютчевяны новыми сведениями. Научное значение имеют и теоретические рекомендации для лексикографов.

Практическая значимость работы состоит в использовании теоретических положений диссертации при углубленном изучении русского языка в учреждениях школьного и вузовского типа, проведении факультативов, спецсеминаров и спецкурсов по языку поэзии Тютчева. Теоретические рекомендации для лексикографов при рассмотрении особенностей семантической структуры слов, номинирующих различные стихии, позволяют усовершенствовать саму методику словарной работы в школе и вузе при определении прямых и переносных значений слова.

На защиту выносятся следующие **положения**.

1. Номинации объектов водной стихии относятся к высокочастотным в поэтическом идиолекте Тютчева; в значительной части стихотворений они являются их идейно-тематическим центром.

2. Идеи и образы водной стихии встречаются практически во всех элементах онтологической картины мира поэта, организуя ее время и пространство, проявляют себя в оппозициях, характерных для его творчества, наличествуют в различных тематических разделах лирики.

3. Элементы водной стихии в поэзии Тютчева связаны как с миром природы, так и с физическим и нравственным миром человека; в них тесно переплетаются элементы антропоморфности, зоо- и фитономорфности.

4. Характерные для языка поэзии Тютчева неоднозначность, совмещение семантики внутри одной лексемы, присутствие «колеблющихся признаков» и т.п. находят свое отражение в номинациях стихии воды.

5. Номинации водной стихии в поэтическом тексте проявляют системность на тематическом, семантическом и словообразовательном уровнях, обосновывая тем самым его единство.

Поставленные цели и задачи определили **методы исследования**. В диссертационной работе используются частные научные методы: описательный, сравнительно-сопоставительный метод, методы когнитивной лингвистики, элементы статистического анализа, методы, используемые в психолингвистике, в частности, ассоциативного анализа, экспериментальные методы.

Методологической базой исследования стали следующие положения:

1) поэтические тексты Тютчева в системе литературного языка представляют

собой единый текст; 2) единый поэтический текст, в свою очередь, представляет систему взаимосвязанных и повторяющихся тематических циклов, позволяющих, с одной стороны, возвращаться к прошлым темам, с другой – осовременивать их с учетом настоящего; 3) особенности восприятия автором природы, связанные с тем, что он – поэт-романтик.

Апробация результатов исследования. Материалы исследования были изложены на заседаниях кафедры русского языка, аспирантского методологического семинара при кафедре русского языка филологического факультета Брянского государственного университета, в выступлениях с докладами на общеуниверситетских, областных, всероссийских и международных научных конференциях:

1. XIII Международная научно-практическая конференция «Российско-Белорусско-Украинское пограничье: 25-летие экологических и социально-педагогических проблем в постчернобыльский период», Новозыбковский филиал Брянского государственного университета им. акад. И.Г. Петровского, 26–27 апреля 2011, Новозыбков, Брянской обл..

2. Международная научно-практическая конференция «Проблемы взаимодействия славянских языков и культур в их истории и современном состоянии», 27–28 октября 2011, Брянск.

3. Межрегиональная научно-практическая конференция «Не распадется связь времен...», Музей-усадьба Ф.И. Тютчева, 8 ноября 2011, пос. Овстуг Брянской обл..

4. Международная научная конференция «Нормативность в условиях смещения восточнославянских языков на территории Российско-Белорусско-Украинского пограничья»: Круглый стол, приуроченный к Дню славянской письменности и культуры, Новозыбковский филиал Брянского государственного университета им. акад. И.Г. Петровского, 24–25 мая 2012, Новозыбков, Брянской обл.

5. Международная научная конференция «Рациональное и эмоциональное в русском языке», Московский государственный областной университет, 21–24 ноября 2012, Москва.

6. Международная научная конференция «Российско-Белорусско-Украинское пограничье: проблемы взаимодействия в контексте единого социокультурного пространства – история и перспективы», Новозыбковский филиал Брянского государственного университета им. акад. И.Г. Петровского, 17–18 октября 2013, Новозыбков, Брянской обл..

7. IV научно-практическая конференция «Ф.И. Тютчев и тютчеведение в начале третьего тысячелетия», 19 ноября 2013, Брянск.

По теме диссертации опубликовано 11 работ, в т.ч. 3 – в научных изданиях ВАК РФ (общий объем – 3,2 п.л.).

В 2011–2012 гг. автор диссертации участвовал в проекте 11 – 14 – 3200 (а/ц) РГНФ.

Структура диссертации. Общий объем диссертации составляет 241 страницу, объем основной части – 194 страницы. Диссертация состоит из введения, трех глав, заключения, списка литературы и двух приложений.

Список литературы включает 228 наименований. Приложение 1 содержит 1) перечень стихотворений, в которых тема водной стихии является центральной, 2) список стихотворений, в которых элементы водной стихии входят в повторяющиеся контексты стихотворений, 3) контексты с номинациями водной стихии, выступающие в одной строфе с прямым или переносным значением. Приложение 2 «Семантико-словообразовательные гнезда номинаций водной стихии» включает в себя «водные» лексемы Тютчева, распределенные по частям речи в составе гнезд, с указанием производящих основ.

ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ РАБОТЫ

Во **Введении** обосновываются актуальность и новизна темы исследования, ее теоретическая и практическая значимость; указываются объект и предмет исследования, определяются его цель и задачи; формулируются положения, выносимые на защиту.

В первой главе **«Из истории исследования водной стихии в собственно лингвистическом, лингво-литературоведческом, лингвокультурологическом и лингво-философском плане»** рассматриваются проблемные аспекты изучения водной стихии лингвистикой и другими науками, так или иначе с ней связанными; анализируются водные поверхности в поэзии Тютчева как стимулы и реакции для психолингвистических экспериментов.

В параграфе *1.1. «Номинации водной стихии как объект исследования лингвистики»* дается исторический обзор изучения явления номинации в русском и зарубежном языкознании. Сам термин «номинация» рассматривается в узком и широком понимании. В диссертации за основу берется второе, предполагающее обозначение несубстанциональных действий, качеств, отношений, процессов действительности, т.е. всего, что познает и отражает сознание человека [Титова 2005: 13]. В работе структурируются элементы лексической системы языка: лексико-семантическое поле (ЛСП), лексико-семантическая группа (ЛСГ) и тематическая группа (ТГ). В поэзии Тютчева мы выделяем двенадцать ТГ водных объектов, основанных на частеречном и физических, функциональных, антропологических признаках: размер, состояние, движение, функциональные признаки, отношение к человеческому организму.

В параграфе *1.2. «Водная стихия как предмет исследования литературоведения»* дан краткий обзор монографий, диссертаций и отдельных статей, посвященных водной проблеме. Отмечается, что различные природные явления, связанные с *воздухом, огнем, землей и водой*, – неотъемлемая часть картины мира любого художника слова, с одной стороны, и отражение его внутреннего мира и особенностей языковой личности – с другой.

В параграфе *1.3. «О принципах исследования водной стихии в лингвокультурологическом и философском плане»* анализируются особенности исследования водной стихии как в собственно лингвистическом аспекте, так и в

лингвокультурологическом и философском (Шеллинг, Кьеркегор, Шопенгауэр, Паскаль).

В параграфе 1.4. *«Поэтический и психолингвистический аспект исследования номинаций водной стихии в сопоставительном ассоциативном плане»* рассматривается учение об ассоциативном значении слова в русском и зарубежном языкознании, теоретический аспект учения об ассоциативном значении слова, которое выявляется при проведении свободных ассоциативных экспериментов. Их результатом становятся ассоциативные словари. В отечественной лексикографической практике можно выделить два подобных издания: «Словарь ассоциативных норм русского языка» (САНРЯ) под редакцией А.А. Леонтьева, вышедший в свет в 1977 г. и «Русский ассоциативный словарь» (РАС) Ю.Н. Караулова и др. 2002 г. В диссертации дается их краткая характеристика. И если САНРЯ планировался как первый выпуск, в котором нашли отражение начальные результаты большого экспериментального и теоретического труда психолингвистов, то данные РАС позволяют увидеть элементы наивной языковой картины мира носителей русского языка и судить о чертах их национального характера. Статья в РАС – это ассоциативное поле, которое с высокой степенью достоверности отражает концептосферу целого народа. Если семантическое поле – это прежде всего инструмент изучения языка, и через него – проявление когнитивных сущностей, то ассоциативное поле позволяет изучать мышление человека, поскольку выявляет глубинные связи между понятиями и их элементами, возникающие в нашем сознании и подсознании.

В параграфе 1.5.1. *«Водные поверхности в поэзии Ф.И. Тютчева как стимулы и реакции для психолингвистических экспериментов»* приводятся результаты проведенного психолингвистического эксперимента, заключавшегося в сопоставлении выявленных результатов РАС и «Поэтического словаря Ф.И. Тютчева» А.Л. Голованевского. Особое внимание при сопоставлении обращалось на реакции РАС, выражающие когнитивные структуры языковой личности, по Ю.Н. Караулову. Пытаясь выяснить, в какой степени мышление наших современников является *поэтическим*, мы расширили сопоставляемую психолингвистическую базу и дополнительно привели по материалам НКРЯ контексты из произведений А.С. Пушкина и Б.Л. Пастернака.

Вторая глава – **«Частеречный состав номинаций водных объектов с прямым значением в языке поэзии Ф.И. Тютчева».**

В параграфе 2.1. *«Прямое значение слова как важнейший тип его лексико-семантической структуры»* отмечается, что прямое значение слова служит основой для анализа семантики тех или иных лексических единиц. В основу понимания прямого значения слова кладется учение В.В. Виноградова, который не разделял понятий прямого и номинативного значения, а рассматривал их как синонимы. но вместе с тем следует помнить, «слово в поэзии ведет себя по-особому... оказывается не равно самому себе... ибо оно «крупнее» этого же слова в общеязыковом тексте» [Лотман 1996: 91] и обнаруживает приращения смысла. Здесь же приводятся взгляды на прямое

значение М.М. Гиршмана [Гиршман 1981] и Г.О. Винокура [Винокур 1959], [Винокур 1991].

Рассматривается аспект проблемы взаимоотношения между языковым (словарным) и неязыковым (поэтическим) значением слова, в котором смещается семантическое ядро и на первый план могут выступать, а то и вовсе заменить основной признак значения колеблющиеся признаки, и первую очередь окраска [Тынянов 1965: 88].

Таким образом, уже при анализе номинативных значений слов мы выходим на уровень понимания особенностей самобытных идиолектных черт языка поэта.

В параграфе 2.2. «Тематические группы водных номинаций существительных с прямым значением» рассматриваются особенности представления водных объектов с точки зрения их соотнесенности по размеру в поэзии Тютчева. По этому признаку выделяются водные объекты большого и небольшого размера. К первым мы относим такие: *океан, море, река, озеро, залив*.

Океан (6) – самый крупный из существующих на Земле водных объектов, по Тютчеву. Он интересует поэта в меньшей степени, чем море, которое является частью океана. Из 42 употреблений лексемы *море* [КПССТ 2013: 186] у поэта лишь в одном случае она встречается в переносном (метонимическом) значении и в двух случаях – в перифрастическом и фразеологическом. Остальные употребления *моря* даны в прямых значениях. Тютчев скуп на эпитеты *моря*, и лишь единожды называет его «голубым». Море у автора нередко характеризуется в историческом и политическом плане (особенно Черное море). *Море* у Тютчева – прежде всего неограниченное пространство, и подобная семантика лексемы проявляется в основном в его ранней лирике: «всеобъемлющее море».

Образ реки – второй после моря излюбленный образ поэта. Река (19) и море у него связаны в пространственном отношении: «*Смотри, как на речном просторе, / По склону вновь оживших вод, / Во всеобъемлющее море / Лыдина за льдиною плывет*» («Смотри, как на речном просторе...», 173). Река так же, как и море, – неизменный спутник Тютчева на всем протяжении его творческого пути. Прямые значения лексемы *река* у поэта доминируют над метафорическими: из 19 употреблений лексемы 13 – прямые. В пейзажных зарисовках река выступает в паре с небом, чаще всего с гуляющими по нему облаками, отражая то солнце, то зеленеющие холмы. Реки (а это прежде всего Нева), как и море, – образы, глубоко личные для поэта; через них выражаются и политические пристрастия, и философские размышления о жизни, они же участвуют в одной из главных оппозиций в творчестве Тютчева: Север–Юг.

Таким образом, лексические единицы тематической группы «Водные объекты больших размеров» в 2.2.1. представлены в основном в своих прямых значениях, о чем говорят следующие показатели (первая цифра – общее количество употреблений, вторая – количество употреблений в прямом, номинативном значении): *море* – 42/39, *река* – 19/13, *озеро* – 11/11, *залив* – 3/3.

К водным объектам небольшого размера в 2.2.2. мы отнесли следующие

лексемы: *роса* (8/8), *капля* (5/4), *пыль* (3/3), *брызги* (2/2), *пруд* (1/1), *ручей* (2/2), *ручеек* (1/1), *речка* (1/1). Как видим, они довольно низкочастотные. Пожалуй, наибольший интерес вызывает употребление лексемы *роса*. Она у Тютчева то ночной атрибут, то вневременной и входит в оппозицию день-ночь, характерную для творчества поэта. Роса у него может быть и земного, и божественного происхождения, и контексты с этой лексемой характеризуются особыми эмоциями и, соответственно, особой интонацией.

Характерно для поэта наделение некоторых из водных объектов небольшого размера цветовыми характеристиками. Так, *пруд* у него «лазурный», как и другие ограниченные водные объекты. Очевидно, этот цветовой признак характеризует объекты водной стихии, находящиеся в состоянии покоя, чаще всего с видимыми границами, и этот же покой позволяет воде отражать небо, с которым и связан эпитет «лазурный».

Ручей и *ручеек* употреблены в прямом значении. Фрагмент, в котором использована лексема *ручеек*, – переложение седьмой строфы оды Горация. Изменения, внесенные поэтом, продиктованы условиями изображения «типично сентиментального пейзажа», как его называет К.В. Пигарев [Пигарев 1962: 15].

Мелкие частицы воды у поэта входят как немаловажный образующий элемент в основные оппозиции, организуют пространство и время в его картине мира и, связываясь с другими объектами водной стихии, выступают, как правило, в своих прямых значениях, обнаруживая строгую системность своей лексической семантики.

Тематическая группа «Агрегатные состояния воды» в 2.2.3. представлена одиннадцатью лексемами: *облако* (19/18), *туча* (18/17), *туман* (15/9), *дождь* (3/3), *дождик* (1/1), *ливень* (1/1), *град* (1/1), *снег* (14/14), *лед* (5/2), *льдина* (2/2), *пар* (3/2). Их использование в поэзии своеобразно выражает отношение автора к этим водным состояниям. Наиболее частотными здесь выступают *облака* (19) и *туман* (15). Именно они затемняют солнце. Но если для Тютчева облака «лениво тают», «светло и тихо... плывут», *всходят робко*, то туман сопровождает *болезнь многотрудную*, вызывает *мороз* и *мглу*. В этих словосочетаниях проявляется положительное отношение к облакам, в особенности в сравнении с тучами, и отрицательное – к туману. *Тучи* у Тютчева чаще символ не просто дождя, а символ беды, и вслед за тучей грядет гром. Тучи, в отличие от облаков, своим мрачным видом, тяжелой неподвижностью не способны нести успокоение, наоборот, они тревожат человека, уродуют мир природы, заслоняя от человеческого взора все его прекрасные проявления.

Таким образом, в данной ТГ из высокочастотных лексем, номинирующих водные объекты, лишь *облака* наделяются положительными эпитетами, вызывают приятные эмоции.

Что касается лексем *дождь-дождик*, как и *ручей-ручеек*, *река-речка*, думается, в художественном, а в особенности поэтическом тексте подобные суффиксы все же более тяготеют к области коннотативного значения, нежели собственно лексического. «Но для понимания специфики национального эмоционального сознания важно не только количество соответствующих

суффиксов в языке, но и какие именно суффиксы (положительной или отрицательной оценки) преобладают» [Бухаренко 2012: 55]. Суффиксы -к, -ик у Тютчева всегда вызывают положительную коннотацию.

Ливень по многим своим признакам противопоставлен *дождю*, а тем более *дождю*, поэтому он «бурный».

Лед наделяется у Тютчева признаком прочности, и поэт акцентирует внимание именно на этом образе, вынося лексему в сильную позицию, в конец стихотворной строки.

Снег (14) – это признак зимы, севера, к которым отношение поэта чаще всего отрицательное. Но ни в одном из тютчевских словоупотреблений не найдем четко выраженного отрицательного отношения именно к снегу как водной субстанции: «обильный», «яркий» и «непорочные снега». Таяние снега – важнейший признак наступления весны, а весна – любимое время года поэта, и он не сожалеет о том, что «*Яркий снег сиял в долине, – / Снег растаял и ушел...*» («Яркий снег сиял в долине...», 135).

Лед – это одно из агрегатных состояний воды, что также отмечается всеми словарями. В прямом, номинативном значении лексема встречается 2 раза из пяти употреблений.

ТГ «Движущаяся вода и ее проявления» представлена в 2.2.4. пятнадцатью лексемами: *волна* (57/40), *вал* (14/13), *зыбь* (9/9), *поток* (12/8), *струя* (28/18), *течение* (6/2), *источник* (3/2), *ключ* (9/5), *родник* (1/1), *фонтан* (9/9), *водопад* (2/2), *прилив* (1/1), *прибой* (2/0), *отбой* (1/0), *плеск* (1/1). Наибольший интерес с собственно лингвистической и поэтической точек зрения вызывает употребление лексем *волна*, *струя*, *поток*, *ключ*. Остальные лексемы употребляются чаще в прямом значении. *Волна* – наиболее высокочастотная лексема из всех элементов водной стихии в поэзии Тютчева. Прямое значение лексемы отражает физическое состояние волн, ибо они наделены колористическими признаками (*зеленые*, *голубые*, *темно-лазурные*), эпитетами, указывающими на принадлежность тому или иному водному объекту: морю или реке («морская», «великих Средиземных», «невских»). *Волны* характеризуют и звуковые эпитеты; они *звучные*, *гремучие*, *тихоструйные*. Волна представлена и в покое, и в диком движении, особенно в тютчевской скрытой метафоре («Море и утес»).

Для Тютчева, как и в сознании носителей языка, *вал* – это прежде всего морская волна. Особенности употребления лексемы *вал* связаны по большей части с производимыми им действиями. Вал у поэта – стихийная, чаще всего грозная и разрушительная сила. Но в поэтической картине мира Тютчева есть место и для «*светлой лазури спокойных валов*» («Урания», 50), валы у него «*пели*» («Сон на море», 106), вал может звучать громко, но не пугающе: «*шумный вал*» («По равнине вод лазурной...», 156).

При рассмотрении синтагматических связей лексемы *поток* выявляется тяготение к глаголам (13), прилагательным (3) и существительным (2). Доминирующее количество глаголов обусловлено самими свойствами потока – это движущаяся вода.

Струи в поэзии Тютчева принадлежат разным водным объектам. Это

могут быть реальные «озера струи», речные струи, струи неназванного водного потока, струи дождя. Лексема *течение* у Тютчева лишь в одной трети всех употреблений (2 из 6) связана с водой в прямом, номинативном значении. Течение, как и струя, – это быстрое движение воды. Оно, как и поток, обладает способностью уносить все, что попадает на его пути.

Разновидности движущихся вод природного происхождения – *источник*, *ключ* и *родник* – и в специальных терминологических, и в толковых словарях представлены как синонимы-дублиеты. У Тютчева два из трех употреблений лексемы *источник* соответствуют ее прямому значению. Из контекстов понятно, что речь идет исключительно о воде, и очевидно, что источник для поэта – прежде всего примета южного, в частности, итальянского пейзажа. В девяти случаях у автора для обозначения бьющего из земли источника используется лексема *ключ*. Ключ непрерывно движется, он «льется», «спешит», «бежит». Движение это имеет разную направленность, как горизонтальную, так и вертикальную. Так объединяется в единое целое жизнь природы и жизнь человека, при этом в пяти контекстах лексема реализует свое прямое значение. Лексема *родник*, лишь единожды употребленная в поэзии Тютчева, оказывается наименее предпочтительной для поэта в синонимическом ряду *источник*, *ключ*, *родник*. Но, как и всегда в пейзажной лирике, водный объект наделен особыми свойствами по сравнению с другими реалиями мира природы.

Среди высокочастотных водных объектов, представленных в языке поэзии Тютчева и рассмотренных в 2.2.5., особое место занимают *слезы* (39). Мы вправе отнести *слезы* к водной стихии в силу широкого понимания этого словосочетания, во-первых, и, во-вторых, на основании данных толковых словарей. В поэтическом идиолекте Тютчева особенности функционирования лексемы связаны в первую очередь с тем, что вода – это субстанция рациональная, субстанция вне человека, а *слезы* – эмоциональная, существующая внутри человека. Отсюда и коннотации, и пересечение *слез* и *воды* лишь в некоторых семантических компонентах.

Включение ТГ «Напитки» в 2.2.6. в состав номинаций водной стихии основывается на обоснованном выше широком понимании гидросферы и эксплицитно выраженном компоненте ‘жидкость’ в словарных дефинициях лексем, входящих в данную группу: *напиток* (1/1), *вино* (9/9), *мед* (1/1), *нектар* (1/1).

В параграфе 2.3. «Семантика водной стихии, номинируемой глагольными лексемами в языке поэзии Ф.И. Тютчева» рассматривается в основном группа глаголов, служащих для обозначения движений, действий, производимых в воде. В поэзии Тютчева представлено 18 пар глаголов движения, из которых непосредственно с перемещением по воде связан глагол однонаправленного движения *плыть* (11/7). Он обозначает перемещение по воздуху и по воде. В поэтических текстах изучаемого автора преобладает водное пространство: в семи случаях из одиннадцати *плыть* значит «перемещаться по воде на чем-либо». Непосредственно связаны с движением воды глаголы *течь* (12/8), *струиться* (6/1), *литься* (23/5).

В параграфе 2.4. «Семантика лексики, обозначающей признаки водной стихии» содержится анализ относительных прилагательных, обозначающих признаки объектов водной стихии, номинируемых существительными. Вся лексика, обозначающая признаки водной стихии, входит в словообразовательные гнезда, для которых производящими являются основы имен существительных. В анализе агрегатных состояний воды было рассмотрено употребление существительных, основы которых являются производящими для прилагательных *морской* (24/20), *речной* (1/1), *туманный* (9/7), *дождевой* (5/1), *кровавый* (11/8), *росистый* (1/1), *снеговой* (3/3), *снежный* (6/5), *льדיстый* (4/2), *ледяной* (3/2), *инистый* (1/1).

Третья глава «**Частеречный состав метафорической лексики, номинирующей водную стихию в языке поэзии Ф.И. Тютчева**» посвящена исследованию метафорических употреблений «водных» лексем в лирике изучаемого автора.

В параграфе 3.1. «Исследование метафоры как семантического феномена с древнейших времен до нашего времени (краткий обзор)» дается история изучения метафоры. Обращение к метафоре исследователей различных наук велось и в античные времена (Исократ, Аристотель, Цицерон), и в средние века, и в эпоху Возрождения, и в более ранние времена. Метафора в XX и XXI в. исследуется многочисленными коллективами лингвистов. Выделяются Московская школа (В.Н. Телия, Н.Д. Арутюнова, Ю.Д. Апресян, Д.Н. Шмелев, Ю.Н. Караулов), Белгородская (В.К. Харченко) и др.

В параграфе 3.2. «О метафоре в поэтическом тексте» говорится об отличиях общеязыковой и поэтической метафоры. Здесь следует отметить, что поэтическая метафора не автономна, она создается на базе общеязыковой, в ней действуют те же законы, что и при регулярной узуальной метафоризации, однако в поэтической речи слово реализует большее количество своих потенций и выполняет большее количество функций.

В параграфе 3.3. «Роль имен существительных в становлении метафорической базы поэтического языка» подвергаются анализу стихотворения-метафоры, к которым у Тютчева можно отнести следующие: «Конь морской», «На древе человечества высоко...», «Наполеон», «Не все душе болезненное снится...», «И в божьем мире то ж бывает...», «Дым», «Мотив Гейне», «Море и утес», «С.Е. Раичу», «Ты волна моя морская». В них метафоры занимают либо все пространство стихотворения, либо большую его часть. В стихотворении «С.Е. Раичу», написанном по поводу окончания перевода им поэмы Вергилия «Георгики», Тютчев осмысливает поэтический труд как преодоление серьезных водных преград. Другое стихотворение-метафора, «Море и утес», – символ ненавистной поэту революции на Западе, антиправославной по своему направлению. В нем сталкиваются два смысла, раскрытых биографом Тютчева И.С. Аксаковым. Время написания (1848 г.) помогает определить истинное содержание. Стихотворение «изображает Россию, ее твердыню, среди разъяренных волн западноевропейских народов, которые вместе с всеобщим мятежом были внезапно объаты и неистой злобой на Россию...» [Аксаков 1997: 116]. Образ-метафора может быть

наполнен глубоким философским содержанием, но может служить для обозначения понятий, лежащих в сфере материального мира природы и человека. «Конь морской» – это вовсе не животное, а зооморфная метафора для названия морской волны, а соматизмы коня (грива, копыта) – это не что иное, как составляющие элементы волны: пена, брызги. В стихотворении «Ты волна моя морская...», по убедительному доказательству Б.М. Козырева, изображена возлюбленная поэта Елена Денисьева в первые годы их интимного романа-драмы. Волна и женщина – своего рода синтез вечного изменения мира внешнего и внутреннего.

В 3.3.1. рассматривается метафорическое употребление имен существительных, обозначающих водные объекты больших размеров. Метафоризация существительных *море* и *океан* основана прежде всего на их главном признаке: это – самые крупные водные объекты в природе и в поэзии Тютчева.

Как водный объект больших размеров, *река* выступает в тех же переносных значениях, что *море* и *океан*. Шесть из девятнадцати употреблений лексемы *река* – это их включенность в сравнительные конструкции. Объекты для сравнения глобальны, величественны: в раннем стихотворении «Уралия» это «звезд река», а в 1860 г. поэт жалеет, что его родина не следует плавному течению рек и не идет «путем разумного труда». Река у автора наделяется антропоморфными признаками: она *поет, шумит, ревет*. Лексемы, соотносимые со стихией земли, с ее естественными возвышенностями, вызывают у Тютчева ассоциации с морскими волнами. *Скала* и *холм* у него служат наименованием водных глыб, морских валов.

Объективность нашей тематической классификации водных объектов-существительных по их размеру подтверждается системностью их лексических значений. Если *море, океан, река* по признаку их обширности, большой массы вод в переносных значениях выступает как большое количественное значение чего-либо, обширность, безграничность какого-либо пространства вообще, то *капля* в переносном значении – «О ничтожно малом, совершенно недостаточном количестве чего-либо» [БАС–5: 785]. Как было показано во II главе, из лексем, обозначающих агрегатные состояния, в наибольшей мере склонны к метафоризации *облако, туча, туман*, причем по большей части они входят в состав различных сравнительных оборотов.

Одним из свойств метафоры, обуславливающим ее мощный экспрессивный характер, является двуплановость. Метафора при образовании опирается прежде всего на скрещение ассоциативных рядов. Так, у Тютчева *волна* – центральный образ водной стихии, с одной стороны, выступает как проявление мира природы, а с другой – отражает состояние внутреннего мира человека, причем зачастую у поэта границы между этими двумя мирами весьма зыбки. *Волна* в мифопоэтическом мире Тютчева символизирует и жизнь, и смерть. Образ стремительно уходящего времени, оставляющего за собой старых и призывающего молодых, реализуется при помощи метафорического употребления лексемы *поток*. Свойством текучести обладает не только вода, но и воздушная масса, уподобляемая *струе*. И такое употребление следует

классифицировать как метафорическое. Иногда возникают трудности с разграничением прямых и переносных значений, что вызывает в словарях их неоднозначные квалификации. В диссертации рекомендуется такой прием разграничения прямых и переносных значений: если объект переносится из родной стихии в иную, то тем самым возникают условия для образования переносного значения. Поскольку в словарях это проявляется противоречиво, данная рекомендация может способствовать лексикографическому единству. Кроме того, мы придерживаемся мнения, что в спорных случаях следует ориентироваться на контекст. Если содержание контекста метафорическое, то и рассматриваемая лексема заряжается окружающей ее метафоричностью. Именно такие контексты и представлены в большинстве приводимых тютчевских иллюстраций.

В параграфе 3.4. «*Метафорическое употребление глагольных лексем*» подчеркивается, что основные свойства воды – *движение, текучесть, изменчивость* – передаются при помощи глаголов, что вполне закономерно, т.к. глагол заключает в себе значение процессуальности. Исследователями отмечено, что наиболее активны в плане формирования переносных значений глагольные группировки. Так, большинство глаголов, характеризующих движение жидкости или движение в водной среде, способны обозначать распространение и движение *огня, света, газа, звука и запаха, сыпучей субстанции*, а также совокупностей людей, других одушевленных объектов (с сохранением основных дифференциальных признаков исходных значений – направления, траектории, интенсивности и др.) [Гришина 2002]. Движение сверху вниз связывает два мира тютчевской поэзии – горный и дольный. Лексема *литься* обладает большими семантическими возможностями, нежели ее невозвратная пара. Морфема *-ся* в позволяет ей выражать как горизонтальное, так и вертикальное движение. Вероятно, можно говорить о том, что *литься* соединяет в себе семантику глаголов *лить* и *течь*. У Тютчева 18 из 23 употреблений лексемы *литься* являются метафорическими.

Префиксация – один из активнейших способов глагольного словообразования, свойственна они и поэзии Тютчева: *лить* – *литься* – *разлиться* – *перелить*, *разлить*, *вливать* и др.

В параграфе 3.5. «*Метафорическое употребление имен прилагательных, причастий и деепричастий в языке поэзии Ф.И. Тютчева*» отмечается, что основной принцип анализа метафор-прилагательных тот же, что и у существительных. Признаковые дериваты прилагательных-номинаций элементов водной стихии находим в следующих ТГ: «Прилагательные, образованные от существительных, обозначающих водные объекты больших размеров» (*морской*), «Агрегатные состояния воды» (*дождевой, облаковидный, туманный, снежный, ледяной, льдистый*) и «Водные соматические номинации» (*кровавый*). Мы выделяем особую группу причастий-прилагательных, под которыми понимаем такие лексемы, которые образованы от глаголов, но глагольные признаки у них отходят на периферию, а на первый план выдвигаются признаки прилагательных. Это такие лексемы, как *волнующий, волновавший* и им подобные.

В лексемах *волновать* и *волноваться* совмещаются прямые и переносные значения, относящиеся к человеку, обществу и природе. Но с наибольшей силой эта совмещенность проявляется в деепричастии *волнуя* в стихотворении «Не то, что мните вы, природа...». Таким образом, можно свидетельствовать, что лексико-семантическая системность поэтического текста Тютчева обогащается и грамматической системностью, что проявляется в лексической совмещенности производящих основ (существительных, глаголов, прилагательных) и производных (причастий и деепричастий).

В **Заключении** подводятся итоги, обобщаются сделанные в каждой главе выводы. В диссертации в качестве одной из важных лингвистических проблем рассматривается проблема лексического значения. Думается, что наши наблюдения над метафорическим употреблением номинаций водной стихии в составе семантико-словообразовательных гнезд тютчевского лексикона будут иметь теоретическое значение не только для авторской, но и общей лексикографии.

В **Приложении 1а** представлен список стихотворений, в которых тема водной стихии является центральной, в **Приложение 1б** вошли стихотворения, в которых элементы водной стихии входят в повторяющиеся контексты стихотворений, **Приложение 1в** содержит контексты с номинациями водной стихии, выступающие в одной строфе с прямым или переносным значением. **Приложение 2 «Семантико-словообразовательные гнезда номинаций водной стихии»** содержит перечень «водных» лексем поэзии Тютчева с учетом их частеречной принадлежность, общего, прямого и метафорического употребления.

Основное содержание работы отражено в 11 статьях.

Публикации в изданиях, рекомендуемых ВАК Министерства образования и науки РФ для опубликования основных научных результатов диссертаций на соискание ученой степени кандидата филологических наук.

1. Банникова, М.С. Семантика наименований водной стихии в поэтическом языке Ф.И. Тютчева и в ассоциативном восприятии современной молодежи / М.С. Банникова // Вестник Брянского государственного университета. №2 (2011): История. Литературоведение. Право. Философия. Языкознание. – Брянск: РИО БГУ, 2011. – №2. – С. 280–283 (0, 37 п.л.).

2. Банникова, М.С. Объекты водной стихии и их семантика в языке поэзии А.С. Пушкина и Ф.И. Тютчева (сопоставительный аспект) / М.С. Банникова // Вестник Брянского государственного университета. №2 (2012): История. Литературоведение. Право. Философия. Языкознание. – Брянск: РИО БГУ, 2012. – №2. – С. 245–249 (0, 44 п.л.).

3. Банникова, М.С. Метафорическое представление номинаций движущейся воды в поэзии Ф.И. Тютчева / М.С. Банникова // Ученые записки. Электронный научный журнал Курского государственного университета. №2 (2014). URL: <http://www.scientific-notes.ru/pdf/035-015.pdf> (0, 37 п.л.).

Публикации в других изданиях:

4. Банникова, М.С. Системность лексической семантики в обозначении водных объектов в поэзии Ф.И. Тютчева / М.С. Банникова // Российско-

Белорусско-Украинское пограничье: 25-летие экологических и социально-педагогических проблем в постчернобыльский период: Труды и материалы XIII международной научно-практической конференции. г. Новозыбков, Брянская обл., 26–27 апреля 2011 г. Брянск: РИО БГУ, 2011. – С. 376–379 (0, 3 п.л.).

5. Банникова, М.С. Лексико-семантическая и этимологическая характеристика номинаций водоемов и их частей в языке поэзии Ф.И. Тютчева / М.С. Банникова // Проблемы взаимодействия славянских языков и культур в их истории и современном состоянии. Сборник научных статей. – Брянск: «Издательство Курсив», 2011. – С. 11–18 (0, 4 п.л.).

6. Банникова, М.С. Образ волны как отражение внутреннего мира человека и мира природы в языке поэзии Ф.И. Тютчева / М.С. Банникова // Нормативность в условиях смешения восточнославянских языков на территории Российско-Белорусско-Украинского пограничья: Круглый стол, приуроченный к Дню славянской письменности и культуры (г. Новозыбков, Брянская область, 24–25 мая 2012 г.). Сборник научных статей / Под ред. С.Н. Стародубец, С.М. Пронченко, В.Н. Пустовойтова. – Брянск: РИО БГУ, 2012. – С. 11–15 (0, 25 п.л.).

7. Банникова, М.С. Способы семантического представления высокочастотных водных объектов в языке поэзии Ф.И. Тютчева / М.С. Банникова // Рациональное и эмоциональное в русском языке: Международный сборник научных трудов. – М.: МГОУ, 2012. – С. 25–28 (0, 18 п.л.).

8. Банникова, М.С. Способы репрезентации объектов водной стихии в языке поэзии Ф.И. Тютчева / М.С. Банникова // Российско-Белорусско-Украинское пограничье: проблемы взаимодействия в контексте единого социокультурного пространства – история и перспективы: Материалы Международной научной конференции (г. Новозыбков, Брянская область, 17–18 октября 2013 г.) / Под ред. В.В. Мищенко, В.Н. Пустовойтова, С.Н. Стародубец. – Брянск: РИО БГУ, 2013. – С. 120–124 (0, 26 п.л.).

9. Банникова, М.С. Лексико-семантическая группа «мелкие частицы воды» в языке поэзии Ф.И. Тютчева / М.С. Банникова // Тютчев – русская поэтическая и политическая языковая личность: Материалы Международной научной заочной конференции, посвященной 210-летию со дня рождения поэта, политика, дипломата / Под ред. А.В. Антюхова. – Брянск: Издательство «Курсив», 2013. – С. 76–84 (0, 45 п.л.).

10. Банникова, М.С. Лексема *вода* – основание семантического комплекса «водная стихия» в языке поэзии Ф.И. Тютчева / М.С. Банникова. – Русский язык в контексте национальной культуры: материалы III Междунар. науч. конф., посвящ. 200-летию со дня рождения М.Ю. Лермонтова, Саранск, 21–23 мая 2014 г.: в 2 т. Т. 1. – Саранск: Изд-во Мордов. ун-та, 2015. – С. 35–40 (0, 3 п.л.).

11. Комплексный анализ стихотворений-метафор Ф.И. Тютчева на интегрированных уроках русского языка и литературы в старших классах // Диалог культур на уроках словесности. Материалы межрегиональной конференции. – Тула: ГОУ ДПО ТО "ИПК и ПП РО", 2015. – С. 113–115 (0, 18 п.л.).

Подписано в печать 28.04.2016 Формат 60x84 1/16 Бумага офсетная. Печать офсетная.
Усл. п.л.1,2.Тир.100.Зак.253

Отпечатано в типографии «Ладомир»